

ПОДВИГ

ВСПОМИНАЮТ ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПЁТР КОШЕВОЙ

ЗА ЛЕНИНГРАД!
ЗА СТАЛИНГРАД!
ЗА КРЫМ!

Подвиг: вспоминают Герои Советского Союза

Петр Кошевой

**За Ленинград! За
Сталинград! За Крым!**

«Алисторус»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кошевой П. К.

За Ленинград! За Сталинград! За Крым! / П. К. Кошевой —
«Алисторус», 2017 — (Подвиг: вспоминают Герои Советского
Союза)

ISBN 978-5-906947-64-2

«...Медленно спускались сумерки. Я ехал по фронтовой дороге, а перед глазами стояла картина действий танкового десанта. Сердце мое и сознание протестовали против того метода наступления, свидетелем которого мне только что довелось быть. Не так следовало атаковать и готовить бой... Бойцов и технику бросили на съедение врагу, понесли ничем не оправданные потери и не добились ни малейшего положительного результата. Боем по-настоящему никто не управлял. Представлялось, что никто из командиров должным образом не подумал о том, что побеждает живой, а не мертвый воин. В пути на командный пункт командарма сложилось для меня безусловное правило: всячески беречь жизнь солдата – главную нашу силу и надежду, делать все возможное для того, чтобы победа над врагом достигалась наименьшей кровью». Петр Кошевой Кошевой Петр Кириллович – Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза – в суровые военные годы командовал 65-й и 24-й гвардейской стрелковыми дивизиями и 63-м стрелковым корпусом. В своих мемуарах он с большой теплотой рассказывает о героизме однополчан, их замечательных боевых делах в сражениях под Ленинградом и Сталинградом, при освобождении Крыма. Страшные факты Великой Отечественной войны преподнесены настолько простым языком, что читаются как художественный роман. Но каждое слово в этой книге – это правда, это судьбы русских людей, это великий подвиг России. Интересны его воспоминания и о простых солдатах, и о других героических военачальниках ВОВ – А.М. Василевском, К.А. Мерецкове, Ф.И. Толбухине, о генералиссимусе И.В. Сталине.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906947-64-2

© Кошевой П. К., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Глава первая. На Ленинградском направлении	7
Два парада	7
«Посылаем полнокровную дивизию»	16
Первые дни на фронте	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Петр Кошевой

За Ленинград! За Сталинград! За Крым!

© Кошевой П.К., наследники, текст, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Глава первая. На Ленинградском направлении

Два парада

Стремительный бег поезда, ставший привычным за десять дней пути, неожиданно замедлился. Вагон трянуло на стрелках, лязгнули буфера... Остановились на полустанке, название которого нам ничего не говорило.

Комиссар А.З. Тумаков, прикинув к оконному стеклу, недовольно заметил: «Ну вот, опять будем воду брать...»

Нетерпение комиссара было понятно. Это чувство испытывали все: мы спешили на фронт из далекой Даурии, где ранее несли службу. Сводки Совинформбюро были день ото дня тревожнее, и нам хотелось скорее встать в ряды действующей армии.

Я прикинул в уме пройденное поездом расстояние. Получалось, что мы шли со скоростью свыше 1000 км в сутки, по тем временам почти рекордной. Молодцы железнодорожники!

К эшелону подкатила легковая машина. Вышел военный, который, как оказалось, искал меня. Хорошо подогнанная шинель, каракулевая шапка-ушанка и независимая манера поведения выдавали в нем работника крупного штаба. На петлицах – четыре шпалы, полковник.

– Вы командир шестьдесят пятой стрелковой дивизии? – спросил он меня.

– Да, – подтвердил я.

– Полковник Кошевой Петр Кириллович?

– Да.

Прибывший отрекомендовался представителем Наркомата обороны, предъявил документы. Он был послан встретить меня и немедленно доставить в Куйбышев к генерал-майору Матвею Васильевичу Захарову. До города было не более 15 километров. Мою «эмку» быстро сняли с вагона-платформы, и мы поехали.

Всю дорогу я терялся в догадках: «Неужели предстоит разгрузка? Почему здесь? Ведь фронт еще далеко. Или...»

Герой Советского Союза Петр Кириллович Кошевой

В Куйбышеве машины остановились у огромного серого здания: Дом промышленности...

Полковник уверенно повел меня почти бегом по лестницам и коридорам. В здании было полно военных. Навстречу нам то и дело попадались озабоченные, сосредоточенные коман-

диры с папками в руках. Все торопились. По кабинетам стояли железные койки, раскладушки, на подоконниках и шкафах рядом с чайниками и котелками лежали шапки.

Матвей Васильевич Захаров – плотный, высокий генерал – принял меня сразу. Я отрапортовал о составе дивизии, вооружении и запасах.

– Личный состав и технику дивизии выгрузить, – приказал он. Видя мое недоумение, пояснил: – Седьмого ноября в Куйбышеве состоится парад войск, посвященный двадцать четвертой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Ваша дивизия будет в нем участвовать. Командовать парадом поручено генералу Пуркаеву, принимать – маршалу Ворошилову. Параду придается большое политическое значение: в Куйбышеве размещаются Советское правительство и дипломатический корпус. Они будут на параде. Ваша задача, – закончил разговор М.В. Захаров, – отлично подготовиться. Никаких скидок на погоду, недостаток времени и прочие обстоятельства не делать. Помните о значении парада.

Я все же не удержался от волновавшего меня вопроса:

– Товарищ генерал, скажите, Москва наша?

– Москва наша, товарищ Кошевой. И останется нашей. Но, – чуть помолчав, добавил генерал, – положение там очень тяжелое. Еще раз повторяю: парад имеет большое политическое значение.

* * *

Из дневника генерал-полковника Ф. Гальдера – начальника генерального штаба сухопутных войск Германии, запись за 10 октября 1941 года... – 3 ноября 1941 года:

«...Танковая армия Гудериана... подошла к Туле (от Орла).

4-я армия во взаимодействии с танковой группой Гёпнера прорвала оборонительную позицию противника (прикрывающую Москву) на участке от Оки (в районе Калуги) до Можайска»¹.

* * *

Я возвращался в дивизию, обуреваемый и чувством радости: «Москва наша... И останется нашей», – и в то же время беспокойством: успеют ли подойти эшелоны с войсками своевременно? Они ведь были еще в пути.

Подготовку к параду проводили днем и ночью. Бойцы, узнав о нашей задаче, занимались с большим старанием. На нескольких стадионах и ипподроме, на улицах и площадях города войска отрабатывали движение в строю и приемы с оружием. Не все наладилось сразу, но люди исправляли недостатки тщательно и усердно.

Мне приходилось участвовать в строевых тренировках с раннего утра до позднего вечера. За день до парада я наблюдал за подготовкой 38-го стрелкового полка неподалеку от городского рынка. Увлёкся и не заметил, как рядом со мной остановился человек, который тоже стал наблюдать за подготовкой войск. Обернулся – Ворошилов!

Я отрапортовал маршалу, а он улыбнулся по-русски широко, крепко пожал руку. Узнав, что в свое время я долго служил в Московской кавалерийской дивизии, приветливо заметил, что хорошо помнит отличных кавалеристов. Им ведь не раз приходилось участвовать в парадах на Красной площади.

Климент Ефремович разговорился. Он сообщил мне, что в Куйбышеве находятся многие правительственные и военные учреждения. Сказал также, что парад 7 ноября должен пока-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 29.

зять, что у страны есть мощные резервы сухопутных войск и авиации для продолжения борьбы с фашистами. Это будет советским ответом клеветникам на Западе, которые заявляют, что СССР сумеет продержаться еще не более двух месяцев. Поэтому и необходима демонстрация нашей истинной силы.

Маршал внимательно присматривался к действиям бойцов, их внешнему виду.

– Обмундирование плоховато. Получше-то нет? – спросил он меня.

– Нет, товарищ маршал. Это все, что имеем.

– Небогато. – Он подумал минуту. – Я поговорю с интендантами. Думаю, что к параду вы получите новое обмундирование на всю дивизию...

Наступило 7 ноября.

Еще только рассветало, а четкие прямоугольники войск уже стояли на центральной площади города в ожидании парада. Артиллерия и моточасти выстроились на ближайших улицах. Было морозно и сухо. Бойцы и командиры – в новом обмундировании.

Стрелки часов приближались к десяти, когда на большой трибуне появился М.И. Калинин. Вслед за ним туда поднялись А.А. Андреев, Н.М. Шверник, М.Ф. Шкирятов и другие члены правительства, а также советские и партийные работники, представители военного командования. Внизу, слева от трибуны, большой группой разместились дипломатический корпус, военные атташе, иностранные корреспонденты.

Ровно в десять на площадь выехал верхом на коне К.Е. Ворошилов. Сводный оркестр заиграл встречный марш. Приняв рапорт М.А. Пуркаева, Ворошилов начал объезд войск.

Он здоровался с бойцами и командирами. По площади неслось «ура».

Закончив объезд, Климент Ефремович поднялся на трибуну, подошел к микрофону.

– Товарищи бойцы, командиры и политработники нашей доблестной Красной Армии! От имени Советского правительства поздравляю вас с большим праздником нашей Родины – двадцать четвертой годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции!

К.Е. Ворошилов говорил о суровых испытаниях, которые выпали на долю советского народа, о смертельной опасности, нависшей над страной. Он призвал отдать на защиту Родины, завоеваний Октября все силы, знания и опыт.

Маршал К.Е. Ворошилов принимает парад в Куйбышеве 7 ноября 1941 года

Начался парад. Первыми прошли бронетанковые войска, артиллерия.

Стоя перед фронтом дивизии, я наблюдал, как внимательно следили за прохождением частей представители дипломатического корпуса.

Настал черед нашей дивизии. Прошел штаб, за ним – четкие колонны батальонов связи и саперного. Миновал правительственную трибуну, я вышел из строя и наблюдал за частями. Шел 311-й, за ним 38-й и 60-й стрелковые полки. Бойцы печатали шаг, оружие наперевес. Асфальт глухо гудел под сапогами. Лица суровые, все взоры устремлены в одну точку – на трибуну, откуда приветственно махали руками...

Я смотрел на членов правительства, на марширующую по площади дивизию. Казалось, что я вижу ту общую судьбу, которая есть у нашей великой партии и народа. На параде мы выражали эту кровную связь в торжественном марше. На фронте предстоит выразить ее в победах над врагом.

Проследовала мотопехота, начался воздушный парад. Краснозвездные самолеты шли в несколько ярусов. Мощный рокот моторов заполнил площадь от края и до края. Он долго слышался и после того, как последний ряд воздушных кораблей скрылся за горизонтом.

По оценке К.Е. Ворошилова и всех присутствующих, парад сухопутных войск и боевой авиации прошел хорошо, был внушительен.

Вечером Советское правительство устроило большой прием. Присутствовали и зарубежные дипломаты. На приеме стало видно, что парад в Куйбышеве произвел на иностранцев сильное впечатление. Дипломаты засыпали наших представителей вопросами: «Где вы взяли столько техники?», «Откуда такие большие резервы?», «Откуда эта авиация?» Военные атташе воочию убедились, что сил у нас много, а советское командование чувствует себя уверенно, если позволяет себе такую роскошь, как парад.

После парада мы ждали приказа на погрузку, но получили по телефону распоряжение прибыть 8 ноября на стадион «Динамо».

Мне показалось, что я ослышался. Пришлось командиру, передавшему приказание, еще раз повторить. При этом было сказано: время – 12 часов, без оружия.

Правительственная трибуна на военном параде в Куйбышеве 7 ноября 1941 года

- Что будет? – спросил я.
- Состоится митинг, приедут Калинин и Ворошилов.

* * *

В казармах, школах и палатках, разбитых под открытым небом, на спортивных полях стадионов города, где размещалась дивизия, в тот день и вечер не смолкали разговоры. Все были взволнованы парадом, встречей с членами правительства.

Получив распоряжение о митинге, мы собрали политсостав и договорились, как его проведем.

Утомленный волнениями дня, я вернулся на квартиру. Мы с Тумаковым размещались в одной из комнат, которую уступила нам для ночлега женщина с ребенком. Муж ее был на фронте. Только присел, в комнату вбежал комиссар. Он был взволнован и с порога крикнул:

– Знаешь ли, Петр Кириллович, в Москве на Красной площади состоялся парад московского гарнизона!

– Вот это здорово! – обрадовался я. – Значит, прочно стоит Москва. Да точно ли?

– Сам слышал по радио, – отдышался наконец Тумаков. – И Сталин речь держал. Я приказал связистам записать ее. Как только сделают, сообщим всему личному составу, проведем митинги.

Почти в полночь комиссар принес отпечатанную на ротаторе речь И.В. Сталина, раздал ее политработникам. Утром речь уже изучали в подразделениях.

* * *

Задолго до полудня 8 ноября 1941 года вместительное поле стадиона неподалеку от вокзала заполнили построенные в колонны наши забайкальцы. Стояли, плотно прижавшись друг к другу, над головами клубился пар от дыхания.

Два грузовых ЗИС-5 с откинутыми бортами свели кузовами посередине поля – сделали трибуну. Соорудили нехитрые ступеньки. На перекрестке улицы, ведущей к стадиону, «махалы» зорко наблюдали за подходящими автомашинами. Наконец они подали знак – едут.

Калинин и Ворошилов шли рядом: Климент Ефремович – твердой, спокойной походкой; Михаил Иванович, годы которого были уже немалыми, передвигался с палочкой. Всесоюзный староста улыбался, поблескивая стеклами очков.

Иду им навстречу строевым, от волнения забыл, кому докладывать. Остановился, приложил руку к козырьку. Ворошилов по едва заметной паузе понял мое затруднение. Вижу, он глазами показывает на Калинина.

После доклада Михаил Иванович поздоровался за руку, по-штатски. Чтобы не смущать его, так же поздоровался и Ворошилов. Направились к трибуне. Стадион взорвался криком «ура». Казалось, не будет ему конца.

Поднялись на трибуну. Климент Ефремович громко поприветствовал войска. Ему дружно и с душой ответили.

Микрофонов тогда не было. И речи говорили, и пели без них. Климент Ефремович окинул взором стадион и громко сказал: «А ну, ребята, подходи ближе!»

Хорошо обученные забайкальцы пропустили, конечно, это не предусмотренное уставом обращение и, не реагируя на него, продолжали стоять по стойке «смирно». Ворошилов повторил обращение, но тоже безуспешно. Поняв ошибку, он рассмеялся, кивнул находившимся возле грузовиков командирам и политработникам – правильно, мол, дело поставлено – и попросил меня подать команду подвести людей поближе. Я скомандовал, ряды бойцов приблизились к автомашинам, а скоро все сбились плотной массой.

Звонким голосом К.Е. Ворошилов начал выступление.

От имени Советского правительства и Верховного Главнокомандования Красной Армии он объявил бойцам, командирам и политработникам шестьдесят пятой стрелковой дивизии благодарность за высокую выучку, продемонстрированную на параде.

Его слова потонули в криках «ура». Когда стало тихо, Климент Ефремович по-простому спросил:

– Ура-то ура, товарищи, а воевать как будем?

По рядам прошел смех, гул.

– Не подкачаем!

– Можете положиться!

– Дадим фашистам по зубам!

Далее Климент Ефремович сказал, что недавно возвратился из поездки на фронт, понюхал пороху, повидал врага.

Маршал рассказал о собственных впечатлениях о противнике, подчеркнул, что у него сильная авиация, и дал ряд советов: не бегать от самолетов как зайцам, ложиться сразу в придорожные кюветы, на поле – в лощины, канавы, воронки от снарядов и бомб.

Вы едете на фронт, продолжил Климент Ефремович, дивизия ваша кадровая, хорошо подготовленная, вооруженная. Командиры хорошие. Вы еще не воевали, и, может быть, кое-кому кажется страшно, а когда повоюете, то страх пройдет. Надо смело и решительно нападать на врага и беспощадно его уничтожать, быстро и хорошо пользоваться лопатой, окапываться, не пренебрегать маскировкой, непрерывно вести разведку, беречь в бою командиров и политработников.

К.Е. Ворошилов закончил свою речь словами о верности военной присяге, о том, что силы наши неисчислимы, что только сейчас начинают по-настоящему развертываться резервы страны, что победа будет за нами.

Потом говорил М.И. Калинин. Мороз был сильный и не позволял ему глубоко дышать. Но стадион замер, и было отчетливо слышно каждое слово.

Михаил Иванович сказал, что прожил долгую жизнь и многое видел, испытал, рассказал коротко о годах царизма, о революции, о том, что враг пришел теперь в наш родной дом и хочет все отнять, а советских людей превратить в рабов. Как Председатель Президиума Верховного Совета СССР, продолжал он, я надеюсь на вас, надеюсь, что враг будет разбит, победа завоевана. «Истребляйте врага немножко вот вы, – и правой рукой Михаил Иванович сделал жест в сторону одного из бойцов, – немножко вот вы, – жест в сторону второго, – немножко вы, – в сторону третьего, – а в итоге будет множко... Родина ждет от вас сокрушительных ударов по фашистским поработителям и насильникам. Дойдите до Берлина!»

– Война, товарищи, – дело тяжелое. Не все вернутся домой. Но со многими мы еще встретимся, и я буду рад пожать вашу руку. – М.И. Калинин улыбнулся: это был намек на вручение правительственных наград. Стадион оживился, все знали, что Михаил Иванович вручает их лично.

– Помните, за что вы идете в бой, – закончил он. – Вы идете защищать самое великое, самое святое дело – дело нашей Октябрьской революции. Родина никогда не забудет вашего ратного труда, подвигов и мужества. Смерть немецко-фашистским захватчикам! Да здравствует победа!

Стадион взорвался от громких возгласов, горячих аплодисментов.

– Да здравствует товарищ Калинин!

– Да здравствует товарищ Ворошилов!

М.И. Калинин отступил немного назад и легонько подтолкнул меня вперед: теперь, мол, дело за тобой. Меня охватило волнение, но слова, казалось, полились сами. Я заверил Советское правительство, Центральный Комитет нашей партии, лично М.И. Калинина и К.Е. Ворошилова, что 65-я дивизия с честью и достоинством выполнит свой долг перед Родиной. Затем

призвал воинов беспощадно и по-геройски уничтожать оккупантов, бить их везде и всюду, не зная покоя и усталости.

– Пока жив, я буду требовать от вас только этого! – закончил я свое выступление.

Речь, видимо, понравилась: Калинин взял меня за руку, Ворошилов похлопал по плечу.

– Как ты думаешь, – спросил Климент Ефремович Калинина, ничуть не стараясь понизить голос, – можно сказать, куда направляем наших товарищей?

– Если это не будет разглашением военной тайны, то скажите, – ответил, улыбаясь, Михаил Иванович.

– Товарищи, – громко крикнул Ворошилов, обращаясь к стадиону, – вы будете защищать Москву! Желаем вам еще раз больших успехов в борьбе с врагом!

Под несмолкаемое «ура» М.И. Калинин и К.Е. Ворошилов проследовали через тесный живой коридор к своим машинам. А стадион долго еще бурлил и волновался под впечатлением этой встречи.

...Спустя 30 лет после победы над гитлеровской Германией я встречался со многими ветеранами 65-й стрелковой дивизии. Каждый помнил парад и митинг в подробностях. Горяча была искра, воспламенившая сердца и души воинов...

* * *

В тот же вечер и ночь дивизия грузилась в эшелоны для отправки в Москву. Грузились сразу три поезда на разных воинских площадках.

В ту ночь никто не ложился спать ни в палатках, где ждали очереди на погрузку, ни в поездах, уже торопившихся на запад. Политруки вновь и вновь зачитывали речь И.В. Сталина на Красной площади Москвы на параде 7 ноября. Проходя мимо одного из вагонов, я услышал торжественные, волнующие заключительные слова речи:

«За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода и независимость!

Под знаменем Ленина – вперед к победе!»

Повсюду бойцы наперебой делились друг с другом чувствами и впечатлениями. Многое тогда бередило душу, заставляло задуматься. Парад в Куйбышеве, где мы, воины 65-й дивизии, олицетворяли мощь нашей Родины, и парад в Москве, где солдаты прямо с Красной площади шли на фронт... Выступления К.Е. Ворошилова и М.И. Калинина, речь И.В. Сталина... Немцы у Москвы... И необъятно широкая перспектива, которую развернул Верховный Главнокомандующий: «... великая освободительная миссия выпала на вашу долю».

Тогда мы были далеко от Победы. Но и при том тяжелом положении вера в силы Родины, убежденность в несокрушимости советского строя и победоносном исходе развернувшейся борьбы против гитлеровской Германии ни на минуту не покидали нас.

«Посылаем полнокровную дивизию»

...На станциях встречали нас гудки паровозов, поезда, набитые до отказа войсками, вооружением и техникой. Эшелоны, как и мы, спешили на запад. Сердце замирало при виде других составов – с большими красными крестами на вагонах, где было непривычно тихо, пахло йодом и кровью. Эти поезда шли на восток...

В Москву мы прибыли в ночь на 10 ноября. Над городом не мерцало зарево электрических огней. Низкое небо было сумрачным и неприветливым. Я хорошо знал столицу и ждал, когда появятся знакомые очертания Казанского вокзала. Вот и они... Но вслед за ними остались позади силуэты Ленинградского и Ярославского вокзалов. Поезд прошел далее. Остановились на путях незнакомой товарной станции на окраине города.

Мы с комиссаром вышли на узкую платформу для воинских составов. Ждали, что здесь получим команду на разгрузку эшелонов и задачу на марш к фронту.

Прибыл представитель военного коменданта. Он сообщил, что разгрузки не будет и предстоит следовать далее.

Связались с эшелонами по радио.

– Где сыновья? – спросили мы шифром: слово «сын» означало «эшелон».

– Первый сын на Красной Пресне, рядом с нами Ваганьковское кладбище, – ответил начальник первого эшелона.

– Где второй сын?

– На соседнем пути.

– А третий?

– Тоже.

Значит, «семья» в сборе.

– Что делаете? – задали новый вопрос начальникам эшелонов.

– Стали было раздеваться, но два часа назад получили распоряжение вновь одеться. Сидим на чемоданах, должны ехать, а куда – никто не говорит.

Мы с Тумаковым поняли, что эшелоны начали разгрузку, однако ее отменили.

Положение становилось непонятным. Пробовали выяснить дело у представителя военного коменданта, но тот ничего не сказал. Не получили разъяснений и у командира из Московского военного округа, который прибыл с приказом продолжать путь далее.

– Что там на фронте?

– По сводкам – повсюду идут бои. Могу сказать на память: «В течение 9 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах. Особенно ожесточенные бои происходили на Крымском участке фронта».

– А под Москвой что?

– Под Москвой – трудно, жмет враг на всех направлениях.

* * *

Эшелоны с войсками дивизии снова загрохотали по рельсам. Проехали Загорск, Александров. Подошел Ярославль. Мы удалялись от Москвы на север...

Продукты, взятые из Даурии, где был забит скот из подсобного хозяйства и заготовлены овощи, кончились. Теперь мы, как все, пользовались продовольственными пунктами, развернутыми по железной дороге.

Никакой ясности относительно нашего места назначения по-прежнему не было. Военные коменданты передавали нас от станции к станции, из рук в руки. Они не сообщали, куда мы едем. Знать им этого не полагалось.

10 ноября долго стояли в Ярославле. Получили продукты и свежие газеты. Сводка Совинформбюро оказалась тревожней, чем всегда. «В течение 10 ноября, – сообщалось в ней, – наши войска вели бои с противником на всех фронтах. Особенно ожесточенные бои происходили на Крымском и Тульском участках фронта». Значит, вступила в борьбу Тула. Выходило, что враг не только продолжал рваться к Москве, но и теснил наши войска, а мы... Вместо того чтобы занять рубеж обороны на подступах к столице, мы удалялись куда-то в сторону.

После Ярославля в сплошном лесу пошла единственная колея железной дороги. Вековые сосны, ели и березы подступали к поезду вплотную. После очередной остановки в наш вагон явился дежурный по эшелону и доложил, что ходят разговоры, будто дивизия направляется в Англию и будет открывать второй фронт в Европе.

Мы с комиссаром изумились и попросили сообщить источник столь неожиданной информации. Оказалось, источником был «солдатский вестник», передавший «новость» нашим бойцам у ярославского продпункта.

А.З. Тумаков прошел по вагонам. Разговоры шли только о втором фронте. «А что? – говорили бойцы. – Довезут нас до Мурманска или Архангельска, посадят на корабли, а там и до Англии доставят. Не только нашу дивизию, конечно. И зажмем мы Гитлера с двух сторон! А под Москвой дело, видно, у нас надежное, раз такие войска к Черчиллю направляют».

Разговоры о втором фронте скоро, однако, прекратились. Когда эшелоны миновали Вологду, оставили позади Череповец, сомнений уже не было: мы направлялись к Ленинграду. Это обрадовало: мы знали, что враг блокировал город, прорвавшись к Ладожскому озеру. Значит – будем разрывать кольцо блокады, вызволять ленинградцев из беды.

* * *

Спустя много лет после войны в руки мне попал документ, глубоко меня взволновавший. С телеграфной ленты переговоров по буквопечатающему телеграфу, тронутой желтизной, вновь передалась мне тревога тех дней, ожили далекие картины прошлого. Это была запись переговоров Верховного Главнокомандующего с осажденным Ленинградом. И.В. Сталин говорил с командующим Ленинградским фронтом генералом М.С. Хозиным и членом Военного совета А.А. Ждановым. Андрея Александровича мы хорошо тогда знали и уважали. Он возглавлял Ленинградскую партийную организацию, был членом Политбюро и секретарем ЦК ВКП(б).

Накануне дня нашего прибытия в Москву И.В. Сталин, озабоченный, как и все советские люди, положением великого города на Неве, просил Жданова и Хозина сделать все, чтобы прорвать установленную фашистами блокаду. Переговоры по телеграфу он назначил «часам к 12 ночи» на 9 ноября 1941 года.

Жданов и Хозин доложили, что формируют добровольческие полки из отборных людей, чтобы участвовать в прорыве блокады. Отправлялось пополнение для дивизий, занимавших плацдарм у Невской Дубровки. Ядро ударной группировки Ленинградского фронта значительно укреплялось. Были подготовлены к переброске туда же 40 танков. Разработаны планы действий. Срок начала наступления наметили на 10–11 ноября. Много делалось и на другом, мгинском направлении, где готовился второстепенный удар. 8-я и 54-я армии получили задачу прорвать блокаду Ленинграда наступлением с востока из района Волхова.

Доклад Жданова и Хозина был прерван Верховным Главнокомандующим: «Приостановите передачу. Тихвин занят противником. Выясняем положение. Если будет возможно – соединимся с вами по проводу. Этот провод идет через Тихвин. Все. Ждите у аппарата».

Жданов: «Ясно. Ждем у аппарата».

К счастью, тогда удалось относительно быстро возобновить связь. Переговоры возобновились.

«У аппарата Сталин. Извиняюсь, задержался. Для ликвидации группы противника мы перебросили в район Тихвина Мерецкова с некоторыми войсковыми частями из 7-й армии. Направляем туда же танки и одну полнокровную дивизию... Как видите, противник хочет создать вторую линию окружения против Ленинграда и вовсе прервать связь Ленинграда со страной. Медлить дальше опасно. Торопитесь создать большую группу частей, сосредоточить на небольшом участке всю силу огня артиллерии, авиации, 120-мм минометов, РСов и пробить дорогу на восток, пока не поздно. А тихвинскую группу противника, я думаю, мы ликвидируем своими силами».

Почему документ взволновал меня, станет ясно читателю из последующего моего рассказа. А «полнокровная дивизия», о которой говорил И.В. Сталин, была наша, 65-я стрелковая.

* * *

Станцию Пикалево мы проехали глубокой ночью. Поезд шел, часто останавливаясь, долго простаивая на разъездах. Часа за два перед рассветом наш состав втянулся между эшелонами на какой-то станции и остановился. Выждав некоторое время и убедившись, что остановка предстоит длительная, мы с А.З. Тумаковым вышли из вагона. За стоявшими по обе стороны составами сплошной стеной высился лес. Станция поразила тишиной: ни гудка паровоза, ни звука рожка стрелочника...

Никто нас не встречал. Только от переднего вагона к нам неторопливо приближалась фигура человека в больших валенках, короткой куртке и шапке-ушанке. Временами человек останавливался и постукивал по буксам вагонов молоточком.

– Смазчик, – догадались мы и поспешили к нему.

Поравнявшись с человеком, мы осветили его фонариком: показалась окладистая седая борода, большой нос и пронзительные умные глаза.

– Скажи, дед, скоро ли поедem? – спросили мы.

– Смотря куда ехать – вперед или назад, – ответил смазчик не очень дружелюбно. – Ежели вперед – то некуда.

– А какая это станция?

– А та, какая надо, мил человек.

– Что будем делать? – обратился ко мне Тумаков. – Старик, конечно, прав: проявляет бдительность. В этой темноте на шпиона или диверсанта натолкнуться не диво.

Мы прошли вперед и огляделись. Здание станции лежало в развалинах. Вероятно, оно стало жертвой авиационного налета. Из нагромождения разорванных взрывом стен и обугленных балок еще не развеялся горький запах дыма. Кругом было пусто, ни огонька, ни души.

Военного коменданта, молоденького, безусого лейтенанта, обнаружили в землянке на опушке леса.

Он доложил, что дальше дивизия не поедет: впереди – противник. Обстановки на фронте комендант не знал, но утверждал, что немцы – в Тихвине, в двенадцати-пятнадцати километрах отсюда. Станция называется Большой Двор. В двух километрах на северо-запад – деревня того же названия. Еще сегодня там находился штаб генерала Иванова, но кто такой этот Иванов, он себе точно не представлял.

В пяти километрах к западу от Большого Двора лежит деревня Астрача. Весь день там шел бой, которым руководил Иванов. Из Большого Двора генерал убыл и не возвратился. Ни с Ивановым, ни с его штабом у коменданта связи не имелось. Что касается войск, то, по мнению лейтенанта, их было немного.

Неясность обстановки действовала неприятно. Мы решили пока не покидать вагона и утром поймать кого-нибудь из местных командиров, чтобы с их помощью выяснить положение. К рассвету дела пошли лучше – по радио связался с нами командир отдельного разведы-

вательного батальона дивизии, которого мы немедленно вызвали к себе. Подходили эшелоны с частями и подразделениями. Мы приказывали им выгружаться и располагаться в лесах вдоль железной дороги, тщательно маскируясь с воздуха.

На станции обнаружился еще один лейтенант, на этот раз немолодой, призванный, вероятно, из запаса. Он был занят снабжением войск, подчиненных генералу Иванову. Но этот человек, как нам показалось, что-то путал, называя части 44-й стрелковой, 27-й кавалерийской и 60-й танковой дивизий. Это никак не увязывалось с сообщением военного коменданта: тот говорил, что войск мало, а этот твердил о трех дивизиях, что было большой силой. Вскоре, однако, выяснилось, что оба лейтенанта оказались по-своему правы.

Командир разведывательного батальона дивизии получил задачу выяснить, где противник и как проходит линия фронта. Разведывательный батальон был отдельной и весьма сильной частью дивизии. Он состоял из броневой, танковой и мотострелковой рот, имел десять легких танков и столько же броневиков. Бойцы отборные, хорошо обученные. В нормальных условиях командир батальона мог создать много боевых групп или не дробить силы и применять их целиком. В данном случае мы приказали действовать по группам. Разведчики двинулись на север, запад и юг по всем дорогам, о которых мы за этот срок узнали.

Между тем наступил рассвет. Прибыл начальник штаба дивизии майор Г.Б. Котик. Он доложил, что эшелоны продолжают прибывать на станции Большой Двор, Пикалево и разъезд Обринский. И станции и разъезд забиты составами. Противовоздушная оборона организована собственными силами частей, поскольку зенитчики еще в пути.

«Собственными силами»... Это значило, что войска взяли негодные колеса с крестьянских телег в селах, расположенных поблизости, насадили их на колья, врытые в землю, и приладили к ним станковые, а то и ручные пулеметы стволом вверх. Не густо и не очень действенно, но и такая оборона – уже кое-что.

Майор Г.Б. Котик

Я вышел из вагона. Мороз был крепкий, много более 20 градусов. По даурским нормам это – немного, но здесь холод был чувствительнее. На станции кипела жизнь. Войска покидали поезда, снимали с платформ автомашины, орудия и скрывались в лесу. Раздавались команды. Опустевшие эшелоны осторожно выводились за пределы станции. На их место подавались новые составы.

Из леса доносились голоса, стук топоров, визг пил. Войска рубили тонкие березки и, связав стволы у вершины, ставили каркасы шалашей. Сделать поперечины и набросать на них густой еловый лапник было минутным делом. Получалось незатейливое жилище, защищавшее от взглядов, но не от холода. На первый раз ограничивались этим. В воздухе уже стоял легкий запах гари – это жгли кое-где костры. Дым поднимался высоко вверх – отличный ориентир для противника, верный признак прибытия на фронт свежих пополнений. Немецкому командованию и разведку высылать не надо.

Пришлось приказать погасить костры. Но пока приказание исполнялось, из большого разрыва в низких облаках неожиданно вынырнула группа фашистских самолетов. Спустя несколько секунд из-за леса появилась вторая группа. Чувствуя безнаказанность, летчики врага, как на учении, набирали высоту, пикировали, поливали станцию дождем пуль и наконец сбросили первую серию бомб.

Из леса и со станции нестройно, вразнобой ударили зенитные и станковые пулеметы. Попавшие впервые в жизни под реальный удар авиации противника, пулеметчики били длинными заливыстыми очередями. Пулеметы захлебывались, но через минуту опять начинали работать, не причиняя, однако, вреда немецким самолетам. Командиры отделений, попавших под бомбежку на станции, подали команду стрелкам. Раздались залпы из винтовок по воздушному противнику.

Авианалет оказался недолгим. Не ожидавшие отпора, вражеские летчики поторопились сбросить бомбовый груз и отвалить от станции, не причинив дивизии особых потерь. Первой жертвой оказался шофер моей автомашины. Он снял ее с платформы и готовился отогнать в лес. Осколок бомбы поразил юношу в голову.

За воздушным ударом должны были, очевидно, последовать и другие действия противника. К ним надо было быть готовым. Как нас учили и как мы сами привыкли учить подчиненных, командир на этот случай получает боевую задачу от вышестоящего начальника и принимает свое решение. Оно является основой, на которой строится вся организующая деятельность подчиненных командиров и сами действия войск. Принимать решение надо с учетом всей совокупности условий обстановки, их взаимовлияния и взаимосвязи. Так полагалось и рекомендовалось нам уставами, учебниками тактики, преподавателями военных училищ и военных академий.

Я был убежден, что рекомендации уставов были правильными. Но в то же время подумал и о том, что уставы и учебники, наряду с советом для нормальной обстановки, требуют от каждого командира поступать сообразно обстоятельствам, если обстановка отклоняется от нормы. В данном случае это было так. Задачи от старшего начальника мы не получили и не представляли себе, кто он есть, этот начальник, и где находится. А фамилия «Иванов» сама по себе ничего не говорила: Ивановых на Руси и в армии – тысячи. О противнике мы тоже ничего не знали. Своей войска были где-то на колесах или утопали в снегу в чаще леса, местность – terra incognita. К тому же у меня не имелось даже карты района, где мы находились. А без карты – как без рук и без глаз.

«Так что, Петр, – подумалось мне, – давай думай и действуй, выходи из положения!»

У вагонов уже крутилась ватажка ребятишек лет по восемь-десять. Я поманил их к себе, спросил, кто такие. У одного из мальчуганов дом в Астраче сожгли гитлеровцы, и он жил теперь у тетки в селе Большой Двор.

Ребята оказались на редкость знающими и смыслеными. Они наперебой рассказывали мне о многих деревнях и селах, о дорогах, озерах и болотах, расстоянии до них.

«А что если с помощью ребят создать самодельную карту? – пришла в голову мысль. – Недаром же давали нам уроки военной топографии в Академии имени М.В. Фрунзе, где на первом курсе учились проводить инструментальную и относительно точную глазомерную съемку местности. Почему не использовать ее принципы в данном случае?»

В моей полевой сумке всегда находились командирская линейка, пачка карандашей «Тактика», компас, курвиметр и кое-какие другие предметы, необходимые для работы с планами и картами. Бумаги большого формата не было. Нашлась газета, которую я и вытащил на свет.

Ребята, затаив дыхание, следили, как я сложил газету вдвое, поместил ее на тыльную сторону сумки и ориентировал длиной на запад, вдоль железной дороги на Тихвин.

– Сколько километров до Тихвина? – спросил я ребят.

– Двадцать, – ответили они хором.

Я отмерил линейкой сорок сантиметров от знака «Ст.» и пометил место Тихвина.

– А железная дорога как идет – по насыпи или в выемке?

– По насыпи, – хором грянули мальчуганы.

– А какие деревни есть на железной дороге?

– Деревень нет, только станции.

Дети назвали разъезды Дыми, Астрачу и указали расстояние до них. Затем пошел разговор об окрестных деревнях Горелуха, Турково, Новое Галично, Ильино и других. Ребята все называли точно, редко расходясь в показаниях. Хорошие сведения дали они о дорогах, озерах и болотах. Дорог было мало, причем все грунтовые, а озер и торфяных болот – великое множество.

Через несколько минут несложной работы «карта» была готова и пошла в дело.

Постепенно стало проясняться положение к северу и востоку от Тихвина. На севере посланные нами разведчики обнаружили подразделения 191-й стрелковой дивизии полковника П.С. Виноградова, а в трех километрах к западу от Астрачи наткнулись на комиссара 44-й стрелковой дивизии Д.И. Сурвилло. Он возглавлял смешанный отряд свыше 200 человек, в основном из бойцов, отколовшихся от главных сил этого соединения, воевавшего где-то севернее Тихвина. Но были бойцы также из 292-й стрелковой и 60-й танковой дивизий. Комиссар рассказал, что днем раньше отряд выбил из Астрачи танки и мотопехоту противника, которые намеревались продвинуться далее на восток по вологодскому тракту. Сил отряда не хватало, но подоспели подразделения 191-й стрелковой дивизии и два танковых батальона из 7-й Отдельной армии. Сообща противника опрокинули и отогнали на подступы к Тихвину. Руководил действиями войск генерал-майор П.А. Иванов – представитель штаба Ленинградского фронта. Теперь он якобы был назначен заместителем командующего 4-й армией генерала армии К.А. Мерецкова.

Весь остаток дня и ночь прошли в управлении выгрузкой и сосредоточением войск у станции Большой Двор. Временный командный пункт дивизии мы приказали оборудовать в лесу, к востоку от железнодорожной станции Астрача. Место было удобно во всех отношениях. До переднего края обороны 44-й дивизии было всего 4–5 км. Справа шел на Тихвин вологодский большак, слева – железная дорога. Лес надежно укрывал от наблюдения противника и нападения его танков. Враг избегал лесных чащоб. До готовности КП мы перебрались в один из поместительных домов деревни Большой Двор.

Первые дни на фронте

Едва мы успели привести себя в порядок, как у дома остановился вездеход. Прибывший офицер доложил, что командарм ждет меня на командном пункте в деревне Павловские Концы. Я обрадовался и приказал подготовить необходимые документы для доклада командарму. Ехать было недалеко, и вскоре мы с А.З. Тумановым вошли в просторную горницу, где располагался командующий.

Я не был знаком с генералом армии К.А. Мерецковым, но слышал о нем немало.

Он закончил Военную академию в 1920 году. Уже тогда молодой краском состоял в Коммунистической партии. С тех пор Кирилл Афанасьевич прошел длинную лестницу военных постов. В период военного конфликта с Финляндией командовал 7-й армией на Карельском перешейке и успешно справился со сложными боевыми задачами. С августа 1940 года по 1 февраля 1941 года генерал армии К.А. Мерецков занимал высокий пост начальника Генерального штаба, а затем работал заместителем наркома обороны по боевой подготовке.

Военный совет Волховского фронта. Справа налево: К.А. Мерецков, А.И. Запорожец, Г.Д. Стельмах

...Командарм встал из-за стола и вышел мне навстречу. Я представился и начал было доклад по всей форме о состоянии дивизии. Неожиданно зазвонил телефон, и Мерецков, извинившись, взял трубку.

– Мерецков слушает, – сказал он. – Здравствуйте, Борис Михайлович. Находимся на рубеже, захваченном два дня назад. – Зажав ладонью микрофон, командующий коротко сказал вполголоса: – Шапошников, – и продолжил разговор. – Сдвиги в обстановке, как мне кажется, есть, – докладывал командарм. – Первое: острота угрозы соединения немецких войск с финскими, пожалуй, ликвидирована. Враг потерял много танков и мотопехоты, откатился к Тихвину и строит там укрепления. Это я наблюдал лично. Полагаю, что он помышляет теперь больше об обороне, чем о наступлении. Второе: мы значительно улучшили свое оперативное положение. Наши войска на северо-западе, а также на юго-западе от Тихвина нависают над тыловыми коммуникациями немцев и держат их под угрозой перехвата. И третье: хотя успех у нас пока небольшой, но он заметно поднял дух войск, люди повеселели, поняли, что врага можно бить.

Выслушав абонента, генерал продолжал:

– Думаю, что, получив отпор, враг станет заботиться об укреплении занимаемых позиций. На получение крупных резервов для своего участка фронта в связи с боями под Москвой и Ростовом фон Лееб², вероятно, рассчитывать не может. Значит, он будет упорно удерживать Тихвин, чтобы усилить блокаду Ленинграда.

Я внимательно слушал разговор командующего с начальником Генерального штаба и считал, что мне повезло. Ведь он вносил много нового и важного в мое понимание обстановки на том участке фронта, где предстояло воевать дивизии. Теперь уже хорошо можно было понять общую тенденцию развития событий под Тихвином. Само собой, возникало и представление о роли нашего соединения. Разговор командующего тем временем продолжался. Москва, видимо, спрашивала, готовятся ли активные действия.

– Да, Борис Михайлович, наступление готовим. Идет сосредоточение сил, ведем разведку. Прибывают части шестьдесят пятой. Командир дивизии полковник Кошевой сейчас у меня.

Снова говорил маршал, на что Кирилл Афанасьевич ответил:

– Не беспокойтесь. Тоже придерживаюсь правила: научить, а потом вводить в дело. Сейчас мы с ним поговорим, я все подробно узнаю и скажу, как поступить. Вам доложу обязательно.

Закончив переговоры, командарм обратился ко мне.

– Как доехали? – спросил он.

Я доложил.

– Время не терпит, товарищ полковник. Да и Ставка торопит. Вступить в бой придется скоро, даже очень скоро. А теперь расскажите о дивизии, – приказал командующий.

Мой доклад не был длинным. Данные я знал на память, а командарм все схватывал на лету, изредка задавая мне короткие уточняющие вопросы. Доклад комиссара тоже был очень короток.

Неожиданно командарм перешел на «ты». Как впоследствии стало ясно, такое обращение было признаком хорошего настроения и симпатии к человеку. И мы, командиры дивизий, потом легко узнавали, в духе командующий или рассержен. Во втором случае он предупредительно «выкал».

В тот день первой встречи К.А. Мерецков был откровенен и прост. Он сообщил, что командует 4-й армией под Тихвином, но не освобожден и от командования 7-й Отдельной армией, которая обороняет Ладожско-Онежский перешеек от напавших там финнов. Противник намеревался через перешеек и Свирь соединиться с немецкой группой армий «Север», блокировавшей Ленинград. Но воины 7-й Отдельной армии остановили финские войска.

Кирилл Афанасьевич подошел к столу, где лежала карта с армейской обстановкой, и подробно обрисовал картину положения под Тихвином.

...Летом 1941 года гитлеровское командование пыталось захватить Ленинград прямым стремительным ударом, чтобы потом, передав этот участок фронта финским войскам, повернуть группу армий «Север» на Москву. Так оборона Ленинграда была связана с битвой за Москву.

Расчеты противника оказались нереальными – взять Ленинград он не смог. Но город был блокирован. С 8 сентября сообщение Ленинграда со страной производилось только по воздуху и опасному водному пути через Ладожское озеро. Все грузы для Ленинграда подвозились к Ладоге с Большой земли по единственной железной дороге через Тихвин.

² Командующий немецко-фашистской группой армий «Север». – *Прим. авт.*

Слушая командарма, я понял, что нахожусь там, где была порвана врагом артерия, питающая Ленинград. Ее нельзя не восстановить! Страшно подумать, что будет, если враг останется в Тихвине.

Мерецков посмотрел мне в глаза, понял мое волнение и как-то очень просто сказал:

– Вот почему шестьдесят пятая дивизия оказалась не под Москвой, а под Тихвином – здесь тоже важный перекресток войны.

Затем командарм подвел итоги осенних боев. Когда враг был остановлен у Ленинграда, потерпел неудачу его стратегический замысел и он смог выделить отсюда для участия в осеннем наступлении на Москву лишь часть сил.

– Гитлер всполошился: весь блицкриг идет к провалу, – продолжил генерал армии. – В настоящее время противник выполняет, вероятно, новый план соединения своих войск с карельской группой финнов, намереваясь пробиться к Свири через Тихвин. Из Берлина, надо думать, приказано создать еще одно кольцо блокады, на этот раз блокады полной, отрезающей все пути из Ленинграда в страну.

Я слушал командарма с большим интересом, поскольку газеты никаких подробностей о тихвинском участке фронта не сообщали. Затем я узнал о стремительном рывке 39-го моторизованного корпуса гитлеровцев, о захвате Тихвина 8 ноября. Командарм коротко характеризовал 12-ю, 8-ю танковые, 20-ю и 18-ю моторизованные дивизии, входившие в этот корпус, как боеспособные соединения с опытными командирами. Матерым волком был командир корпуса генерал Шмидт.

– На путях врага из Тихвина к востоку мы поставили заслон. А вчера прогнали немецкие войска от Астрачи в предместья города. Необходимо как следует распорядиться силами и разгромить врага, – сказал генерал. – Этого требует от нас Родина, осажденный Ленинград. Направив вас из-под Москвы, Ставка подчеркнула особое значение, которое придается нашему участку фронта. Мы воюем за Ленинград и за Москву одновременно, хотя сражаемся далеко от них в лесах и болотах.

Потом Мерецков спросил:

– Что вам надо в первую голову?

– Карту.

– Видно военного человека, ничего не скажешь. Будут карты.

Я открыл сумку и вытащил на свет свою «карту» на газете, созданную утром с помощью местных мальчуганов. К.А. Мерецков от души посмеялся и еще раз обещал ускорить доставку карт.

Затем командарм поставил задачу 65-й дивизии. Он опять подошел к карте и карандашом обвел по ней растянутый более чем на 350 км фронт противника.

– Разбросав войска на такое большое расстояние, – заметил он, – немецкое командование вынуждено располагать их тонкой линией. Мы думаем, что значительных резервов враг уже не имеет, а следовательно, и парировать наши удары повсюду не может. Главные силы противника – в Тихвине, здесь его ударная группировка. Уничтожить ее – значит похоронить все планы противника в этом районе.

Карандаш командарма остановился под основанием тихвинского выступа фронта противника.

– Тут у немцев войск немного. Это – уязвимые места. Сюда бы и бить. Но войск у нас тоже мало, и управлять ими на таком фронте трудно. Поэтому вся наша забота должна уделяться главному – Тихвину и коммуникациям противника от города в тыл. Мой замысел состоит в том, – продолжил командарм, – чтобы ударом Северной группы войск генерала Иванова на юг в направлении западной окраины Тихвина и встречным ударом группы генерала Павловича с юга отрезать противнику пути отхода из Тихвина на запад и замкнуть кольцо окружения.

Твоей шестьдесят пятой стрелковой дивизии предстоит нанести лобовой удар с востока и юго-востока и разгромить главные силы противника в городе во взаимодействии с группами Иванова и Павловича. Дивизия у тебя сибирская, полнокровная, и, надеюсь, с задачей она справится вполне. Время наступления назначу дополнительно. Подготовку к наступлению не затягивай. Удар нанесем через три-четыре дня... А приходилось ли тебе раньше воевать? – поинтересовался генерал.

– Только в Гражданскую войну, рядовым казаком... Да и то в сложных переплетах не был.

– Тогда, – посоветовал Мерецков, – побывай завтра на передовой. Когда обстреляют, другими глазами будешь видеть бой. На рожон переть не следует. Зря голову под пулю не подставляй, все делай с умом. Я прикажу показать тебе на переднем крае все, что можно, а куда ехать – передам по телефону.

– А что я буду делать на переднем крае? – спросил я.

– Смотри и вникай. Приметь, где находится противник, как он себя ведет. Погляди, как воюют наши люди, как командный состав организует бой и взаимодействие войск, как управляет войсками. К тому, что увидишь, относись критически: не все делается хорошо, можно и лучше. Автомашину догадался покрасить в белый цвет?

– Нет, еще не покрасил.

– Поторопись и покрась обязательно. Противник ведет себя бдительно. Он заметит черную машину и обстреляет.

– Есть покрасить машину.

– А командный состав дивизии воевал?

Я доложил, что и командный состав на войне пока не был.

– Тогда на другой день пошли с утра на передний край командиров полков, а во второй половине дня – всех комбатов. Их тоже следует поддержать под обстрелом. Пусть понюхают пороху и увидят что к чему в настоящей войне. Объясни им, на что обратить внимание, и прикажи под пули без дела не ходить.

* * *

Я познакомил штаб и начальников родов войск с указаниями К.А. Мерецкова. Затем собрал командиров полков. Они доложили, что части разгрузились полностью и расположились в районе станции Большой Двор в лесах по обе стороны железной дороги. Я объяснил задачу нашего соединения и порядок подготовки к будущему наступлению. Договорились о поездке на передний край.

* * *

За час до рассвета на следующий день я был готов к выезду на передовую. Из штаба армии предупредили, что лучше подъехать туда затемно. Накануне добросовестный шофер раздобыл в местной школе пудовый кусок мела и не покрасил, а прямо-таки оштукатурил автомашину. Теперь «эмка», вся в разводах и подтеках, ожидала на большаке, а водитель с гордым видом осматривал дело своих рук.

Я похвалил шофера, и мы тронулись.

Уже на первых километрах пути пришлось миновать глубокие воронки от вражеских бомб. Они чернели на белом полотне дороги, пятная ее особенно густо у небольших мостов через ручьи и речушки, которых в этом краю великое множество. Легко было догадаться, что враг намеренно бомбил дорогу, чтобы не дать нам подводить к фронту резервы, затруднить подход артиллерии и подвоз средств снабжения. Шофер, стиснув зубы и временами тихо чертыхаясь, резко крутил баранку, то сбрасывал, то набирал скорость. Проехали Горелуху, затем

Новое Галично, Старое Галично. Путь пошел по насыпи через болото. Над хлябью, чуть клубясь, стояло легкое облачко пара... Въехали в Астрачу. Почти сразу за деревней по опушке леса проходил передний край обороны 44-й стрелковой дивизии.

Оставив «эмку» в лесу, я пробрался к опушке и осмотрелся. Впереди темнели на снегу окопы. Туда мне и надо было попасть. Время от времени над бруствером появлялась голова стрелка, раздавался винтовочный выстрел.

Пока я выбирал себе путь движения и готовился к перебежке, справа и слева от меня с противным кряканьем разорвалось несколько мин. Затем последовал новый залп. Срезанные осколками, упали ветви кустов. Я упал, крепко втянув голову в плечи. Еще один минометный налет заставил совсем закопаться в снег. Осколком разорвало мой красноармейский полушубок. Как только обстрел прекратился, я бросился к окопу. Падая и вновь поднимаясь, перебежал узкую открытую полосу местности и с размаху шлепнулся в окоп.

– Полегче, паря, не убейся, – миролюбиво сказал мне один из бойцов, наблюдавший перебежку. – Стреляли не по тебе. Там у нас, – он кивнул на опушку леса, – пушчонка спрятана. Вот он за ней и охотится.

Теперь можно было оглядеться получше. Боец показал мне, где совхоз имени 1 Мая и восточная окраина города Тихвин. Там был противник. Близость врага поразила – не более трехсот метров. На высоте, командовавшей над округой, стояла церковь с высокой деревянной колокольной и несколько длинных кирпичных конюшен. Добротные стены зданий были, как рябинами оспы, покрыты следами от осколков снарядов. Разрушений не было заметно. Окна конюшен и церкви заложены кирпичом. За узкими бойницами угадывались фашистские пулеметы. Впереди – сплошная, занятая войсками, траншея. Перед ней – колючая проволока спиралью.

– На колокольне у него наблюдатель сидит, – пояснил боец. – Лупит из артиллерии и минометов, просто спасу нет... А перед проволокой – мины.

Действительно, теперь я заметил множество воронок вокруг нашего окопа. Опасность была рядом. Риск прояснил мне глаза на недостаточную глубину рва, неполноценную маскировку. Подумалось, что в таком окопе при артиллерийском обстреле будешь чувствовать себя неуютно. Да и на дне рва – сплошная грязь.

Враг как будто почувствовал мои мысли. Один за другим раздались несколько артиллерийских выстрелов.

– Этот – не наш, – заметил боец по поводу недолетевшего снаряда противника. – Этот тоже не наш, – по поводу перелетевшего. – А теперь ложись, он в аккурат пристрелялся.

С этими словами боец нырнул в подкоп на передней стенке окопа. Я бросился на дно – и сделал это очень своевременно. Тотчас же несколько снарядов легло совсем рядом, а один угодил прямо в соседнее колено окопа. Вреда он не причинил.

Теперь я по-настоящему понял, что надо все время держать ухо востро, не искушать судьбу: ползать, прятаться в окопах, броском перебегать от воронки к воронке...

Часов в 12 местные командиры предприняли попытки атаковать совхоз с помощью танкового десанта. На быстроходных, но с недостаточной проходимостью танках БТ, работающих на бензине и слабо защищенных броней, расположились стрелки с винтовками в руках. Исходное положение выбрали на опушке леса, а действовать десанту приказали прямо вдоль дороги, поскольку по снежной целине эти танки наступать не могли.

С нашей стороны произвели несколько артиллерийских выстрелов. Снаряды разорвались в траншее противника. Это, как мне объяснили, была артиллерийская подготовка. Затем в сторону врага полетели три красные ракеты, и четыре-пять танков с десантом вышли на средней скорости на указанную им дорогу в колонне с интервалом 25–30 м.

Признаюсь, что ни до, ни после подобной атаки танков с десантом я не видывал, хотя и прошел всю войну. Как только БТ были замечены противником, по ним был открыт артилле-

рийский огонь. Через минуту головной танк запылал. Пехота десанта разбежалась по полю и залегла. Остальные танки остановились, дали задний ход и на предельной скорости убрались обратно в лес. Враг преследовал их огнем.

В лесу поднялся шум. Кто-то поносил танкистов отборными словами. Те не остались в долгу. В результате танки с десантом в таком же строю вновь показались на злополучной дороге, но уже без артиллерийской подготовки атаки: снарядов для нее не имелось.

Все повторилось сначала. Запылала еще два танка; десант, потеряв несколько человек, рассыпался по полю. Оставшиеся машины повернули назад.

День показался мне вечностью... Когда стемнело, я, оглушенный, перемазанный глиной и болотной грязью, добрался до места, где осталась моя «эмка», и – прямо в Павловские Концы к командующему.

...Медленно спускались сумерки. Я ехал по фронтовой дороге, а перед глазами стояла картина действий танкового десанта. Сердце мое и сознание протестовали против того метода наступления, свидетелем которого мне только что довелось быть. Не так следовало атаковать и готовить бой. Не были продуманы ни подготовка, ни обеспечение успеха. Бойцов и технику бросили на съедение врагу, понесли ничем не оправданные потери и не добились ни малейшего положительного результата. Боем по-настоящему никто не управлял. Представлялось, что никто из командиров должным образом не подумал о том, что побеждает живой, а не мертвый воин.

В пути на командный пункт командарма сложилось для меня безусловное правило: всячески беречь жизнь солдата – главную нашу силу и надежду, делать все возможное для того, чтобы победа над врагом достигалась наименьшей кровью.

«Значит, Петр, думай больше сам и требуй того от командиров, не жалея энергии и сил, организуя бой, добиваясь, чтобы все возможное для победы было сделано».

Осмысливая все виденное и пережитое на переднем крае, я не заметил, как машина преодолела путь до Павловских Концов.

К.А. Мерецков принял меня сразу. По внешнему виду он мог определить, что не раз и не два мне пришлось пластом лежать на земле под огнем.

Доложил командарму все, как было: что танки жгут, пехота разбегается, боем руководят плохо.

К.А. Мерецков выслушал, не перебивая.

– Знаю, – заметил он. – Разберусь сам. Но нельзя медлить: завтра с утра пошли на передовую командиров полков. Пусть и они понюхают пороху. Затем направь командиров батальонов и им равных.

* * *

...Следующий день, 13 ноября, был очень напряженным. Предстояло побывать на переднем крае с командирами полков и дивизионов, вывести стрелковые части в исходные районы для наступления, провести митинги личного состава и собрания коммунистов в преддверии грядущих событий. Митинги прошли тогда активно под лозунгом, брошенным М.И. Калининым: «Дойти до Берлина!» Еще не остыло впечатление от встречи с Михаилом Ивановичем в Куйбышеве. Горячо звучал призыв Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина с Красной площади следовать примеру наших великих предков. Воины клялись разгромить врага под Тихвином и гнать его на запад.

Я был вместе с командирами полков на переднем крае и очень волновался: как-то воспримут они постоянную угрозу их жизни, как поведут себя на глазах у солдат под пулями и снарядами врага. Мы прибыли на знакомую уже опушку леса западнее Астрачи, наблюдали за поведением противника, не раз побывали под минометным и артиллерийским обстрелом. Все

шло по-фронтовому нормально. Внезапно над нашим передним краем появились фашистские самолеты. Они вынырнули из-за леса справа и стали бомбить и поливать пулеметным огнем расположение нашей небольшой группы. Под завывание пикировщиков и дробь пулеметов на поле и опушке леса с оглушительным грохотом поднялись высокие фонтаны бомбовых разрывов. Полетели вверх осколки металла, комья мерзлой земли, вывороченные с корнями деревья. Командиры частей залегли вместе с солдатами в окопы, укрылись в свежих воронках.

Мы тогда понесли тяжелую утрату. Погиб командир 127-го легкого артиллерийского полка полковник С.Я. Ходов – участник боев на Халхин-Голе. Атака самолетов врага застала его на открытой местности на полпути от леса к нашим траншеям.

Вторая половина дня – ознакомление командиров батальонов с условиями фронтовой обстановки – прошла без происшествий. А с наступлением темноты мы с командирами полков собрались, как было приказано, у Мерецкова. Он начал беседу с привычного вопроса:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.